

сторонность» или «двуплановость». Даже ссылка на типичность этого рода мышления для средневекового человека оставляет эту типичность необъясненной. Здесь проблему следует ставить иначе, в плане социальной психологии. Кстати, для этого в работе М. А. Заборова собран первоклассный и обильный материал.

Произведения авторов второй группы, т. е. хронистов-историков, являются действительно историческими сочинениями, к которым в полной мере применимы историографические оценки. Но тогда в некоторых случаях необходимо изучить *всю* сумму трудов этих авторов. Это особенно важно, например, для Гиберта Ножанского или Оттона Фрейзингенского. В работе М. А. Заборова они выступают обедненными — лишь как историки крестовых походов. Между тем Гиберт Ножанский также и автор первой в средневековой литературе, и притом любопытнейшей, автобиографии. Кроме того, он отнюдь не был «высокопоставленным» аббатом (стр. 298) и т. д. Еще сложнее труды Оттона Фрейзингенского, Жуанвиля и т. д.

Следующее замечание касается характеристики религиозности хронистов. Создается впечатление, что для М. А. Заборова религиозность является почти синонимом церковной идеологии: если хронисты говорят о боге — они религиозны, если ими овладевают мирские интересы — религиозная оболочка оказывается «хрупкой», «истончается» и т. д. (стр. 91—92 и мн. др.). Такая постановка проблемы представляется упрощением; и в данном случае исследование в плане социальной психологии дало бы более ощутимые и верные результаты. Человек XI—XIII вв. всегда верил в бога и в дьявола. Его религиозное мировоззрение не «снялось» какими-либо, даже мощными, мирскими материальными интересами, ибо оно определялось всеми условиями его существования: ни арелигиозным, ни антирелигиозным оно быть не могло. А вот церковная идеология действительно могла быть и была — особенно у рыцарей, горожан, крестьян — привнесеной, наносной, «хрупкой» и т. д. Поэтому нет нужды искать для объяснения ее исчезновения или «истончения», языческих — язычество ведь тоже религия! — корней (стр. 83) или аристократического рационализма (стр. 90). Эти проблемы следовало бы рассматривать в другой плоскости.

Последнее замечание касается участия крестьянства в крестовом движении. Хотя эта тема подана как бы в преломлении хронографии, но на деле она приобрела в книге и самостоятельное значение. М. А. Заборов склонен оценивать участие крестьянства как движение по существу освободительное и антифеодалное (стр. 247 и сл.). Приводимый материал вряд ли оправдывает только такую трактовку. На Востоке крестьяне рассчитывали найти для себя землю, и, действительно, те, кто дошли, ее получили, однако в качестве *мелких рыцарей*, а не крестьян. Личная свобода уже была предоставлена крестьянам как участникам крестового похода. То, что в военных действиях они выполняли особые функции, объяснялось отсутствием у них вооружения, коней и профессиональных военных навыков, т. е. всего, что делало тогда из человека воина. Отношение рыцарей к крестьянам, конечно, в основе было таким же, как в Европе, однако совместная борьба внесла и новые элементы, на которых М. А. Заборов недостаточно остановился, подчеркивая преимущественно рознь.

Недостатками книги являются невыразительное заключение (несмотря на большие размеры оно лишь суммирует выводы по отдельным главам) и чрезмерное обилие латинских цитат. В подавляющем числе случаев они не нужны, так как перевод не представляет затруднений. Цитаты целесообразны лишь тогда, когда перевод сложен, а итог сомнителен; их цель — дать читателю возможность проверить те случаи, которые автор предлагает с известной неуверенностью.

Из сказанного явствует, насколько рецензируемая книга интересна для медиевистов. Ее следует рекомендовать и тем, кто интересуется проблемами истории исторической науки. В этом длительном и сложном процессе авторам, записавшим и по-своему осмыслившим события крестового движения, сыгравшего крупную роль в развитии европейского континента, принадлежит одно из значительных мест. Именно в их сознании раньше и может быть ярче, чем в сознании других хронистов эпохи, произошел перелом, знаменовавший собой один из этапов становления светского исторического мышления.

А. Д. Люблинская

НОВЫЕ РАБОТЫ ПО ВИЗАНТИЙСКОЙ ПРОСОПОГРАФИИ

Вряд ли нужно специально подчеркивать важность просопографии для изучения византийской истории и социальной истории в частности: без нее невозможно уяснить историю господствующего класса, выявить соотношение различных его группировок, уточнить вопрос о проникновении в Византию иноземных элементов, детализировать социальную картину жизни византийской провинции и т. д. и т. п.

До последнего времени в византийской просопографии было сделано очень мало: можно назвать лишь несколько статей (Г. А. Острогорского, В. Лорана, Н. Адонца, К. Амандоса, Г. Штадтмюллера, Б. Ферьянчича и др.), посвященных отдельным фамилиям, а часто представляющих собой просто алфавитные списки лиц, носивших одно и то же фамильное имя. Трудности, вызванные скудностью материала (частич-

но еще не опубликованного) и сложностью идентификации, усугубляются тем, что важнейшим источником служат свинцовые вислые печати, прочтение легенд на которых представляет особые сложности, а отождествление их владельцев — почти всегда гипотетично.

В этих условиях появление двух монографий — просопографических исследований должно привлечь особое внимание. Они, собственно говоря, открывают дорогу для нового жанра в византиноведении, и необходимо тщательно взвесить, какие требования можно и должны предъявлять к работам этого рода.

Книга Доналда М. Найкола посвящена византийской аристократической фамилии Кантакузинов в конце XI — первой половине XV в.¹ Основная часть книги — расположенные в хронологическом порядке 102 биографии Кантакузинов. Пользование этим списком облегчается благодаря трем индексам: алфавитному указателю членов семьи Кантакузинов, указателю других собственных имен и указателю титулов и должностей. В книге имеются две генеалогические стеммы. Краткое введение излагает схематическую историю рода, выходя за хронологические пределы, избранные автором.

Другая работа, диссертация Димитрия И. Полемиса, посвященная роду Дук², построена более сложно. Сам список Дук распадается на несколько частей. Первую составляют Дуки в собственном смысле слова (стр. 16—79), общим числом 33 человека, живших от середины IX до середины XII в. Далее Полемис рассматривает тех лиц, которые, принадлежа к другим аристократическим фамилиям (Комнины, Ангелы, Каматиры и пр.), присваивали себе также имя Дук (стр. 80—188). Этот список «несобственных» Дук включает 182 человека. Следующий раздел — список Дук, чья принадлежность в какой-либо семье неясна (стр. 189—199), — всего 44 человека. Книга завершается списками Дук, известных только по печатям (стр. 200 и сл.), Дук, живших после 1453 г. (стр. 202 и сл.) и фамилий, производных от Дук: Дукаиты, Дукиды, Дукопулы и т. п. (стр. 204—211). К книге приложен алфавитный индекс и очень удобная генеалогическая стемма, где все лица одного поколения размещаются на одной горизонтали.

Но книга Полемиса не исчерпывается этим — по существу справочным и черновым — материалом. Введение к ней — обширнее и интереснее, чем у Найкола. Полемис стремится дать социологическую характеристику рода Дук. Очень интересно, в частности, его наблюдение, что старшие Дуки (начало X в.) не обладали крупной земельной собственностью (стр. 6 и сл.), тогда как Дуки XI столетия выступали как крупные землевладельцы (стр. 10 и сл.) и занимали видное положение главным образом в армии (стр. 8): это заставляет пересмотреть традиционное представление о династии Дук, будто бы выражавшей интересы гражданской знати, — представление, которому отдает дань и сам Полемис при характеристике Константина X (стр. 30). Любопытен и заключительный раздел — о роли Дук в византийской жизни и литературе (стр. 12—15). Итак, в отличие от Найкола Полемис предлагает читателю известное обобщение.

Но возвратимся к центральной части просопографического исследования — к списку. Необходимо, на мой взгляд, договориться о принципах унификации. Какой транскрипцией пользоваться (Найкол пишет George и Basil, Полемис — Georgios и Basileios)? Как указывать источники и библиографию? В обеих работах даны только подстрочные ссылки, мне же представляется целесообразным в каждом параграфе указывать, все случаи упоминания данного лица в источниках и основные — в литературе.

Следует подумать о принципах идентификации. В обеих работах мы встречаем весьма и весьма спорные случаи отождествления. Найкол без колебаний отождествляет двух Мануилов Кантакузинов (стр. 5): об одном рассказывает Киннам, о другом — Никита Хониат. Согласно Хониату, Мануил — отважный воин, отличившийся около 1179 г. Согласно Киннаму, это — юноша, сын Иоанна Кантакузина, ослепленный при Мануиле I. Как известно, повествование Киннама доходит лишь до 1176 г., поэтому сын Иоанна должен был быть лишен зрения до 1176 г. Поэтому, если он участвовал в битве 1179 г., то его слепоту, видимо, Хониат непременно оговорил бы. Скорее речь идет о разных лицах.

Другой пример — из книги Полемиса (стр. 194). Хониат упомянул некоего Андроника Дуку, участвовавшего в битве с турками ок. 1198 г. Полемис идентифицирует его с логофетом секретов Андроником Дукой. Оснований — никаких. Точное время жизни логофета неизвестно; если даже отвести его деятельность ко времени Алексея III (1195—1203), что склонен делать Полемис, то неясно, почему видного чиновника нужно отождествлять с современным ему молодым воином?

По-видимому, во всех спорных случаях нужно одноименных лиц выделять в особые параграфы, оговаривая, разумеется, возможность их отождествления.

Просопографические исследования весьма трудоемки. Нужно просмотреть всю массу источников — не только греческих, но и смежных. Нет ничего странного, если

¹ D. M. Nicol. The Byzantine Family of Kantakuzenos (Cantacuzeni). ca. 1100—1460. — «Dumbarton Oaks Studies», XI, Washington, 1968, pp. XLIV + 265, ill.

² D. I. Polemis. The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography. «University of London. Historical Studies», XXII. The Athlone Press, 1968, pp. XVI + 228.

в отдельных случаях имеют место пропуски или неточности. Найкол (стр. 8) говорит об Андронике Кантакузине, дуке и анаграфевсе фемы Миласы и Меланудия с 1175 г. Хотя автор и ссылается на издание греческих актов Ф. Миклошича и И. Мюллера, он не заглянул в текст, основываясь только на работе Ф. Шаландона, процитировавшего грамоту 1175 г. Ссылка у Найкола та же, что у Шаландона: стр. 317—318, тогда как надо 316—317, и как у Шаландона, опущен титул Андроника — севаст. Ускользнуло от Найкола и то, что в это время был известен еще один (или тот же?) Андроник — паниперсеваст и царский зять (C. Sathas. Bibl. gr., I, p. 81. 13—14). В статье о кесаре Иоанне Кантакузине (стр. 5—7) — опять-таки неполнота и неточности. Во-первых, для истории похода Иоанна против болгар в 1186 г. следует привлекать полный текст Хониата, изданный И. ван Дитеном³. Во-вторых, нет никаких оснований думать, что брак Иоанна с Ириной Англиной был расторгнут еще патриархом Лукой Хрисовергом (1157—1169/70): на самом деле синодальное постановление 1166 г., запретившее браки между родственниками в седьмой степени⁴, вовсе не имело в виду брак Иоанна, решение же патриарха Василия Каматира (1183—1185), на которое ссылается Найкол, лишь ограничивает действие общего правила⁵, а отнюдь не восстанавливает расторгнутый за 20 лет до этого брак.

Специалист по истории поздней Византии, Найкол, допускает погрешности главным образом в биографиях Кантакузинов XII в. Погрешности Полемиса также особенно отчетливы там, где он касается «несобственных» Дук. Так, на стр. 86, говоря о детях Андроника Ангела (Дуки), он не учитывает прямого свидетельства псевдо-Ансберта об Иоанне, брате Исаака II⁶. Патрикий Вриенний, названный в Константинопольском синаксаре, был современником не Льва III, а Михаила III: поэтому появление Вриенниев надо отодвинуть на век позднее (в середине IX в. известны еще два Вриенния, занимавших видные административные посты). Относительно севаста Константина, наместника в Сплите (стр. 191, прим. 5), сохранился ряд латинских документов, позволяющих датировать его пребывание в Далмации 1170—1174 гг., о чем можно прочесть в посвященной византийской администрации в далматинских землях книге Я. Ферлуги⁷. Среди Дук-Каматиров (стр. 126—133) следовало бы упомянуть Феодора, которого панегирист называл потомком Дук и Каматиров⁸.

При установлении биографий византийских деятелей особой проблемой становится хронология. Полемис много этим занимался⁹: некоторые его наблюдения интересны, другие спорны. В частности, П. Готье, статью которого Полемис смог использовать только в корректуре, датировал коронацию Константина X не 24 ноября (стр. 30), а 25¹⁰.

Я же попытаюсь поставить под сомнение полученную Полемисом дату заговора против Константина X — 23 апреля 1061 г. (стр. 31). Н. Скабаланович в своей прекрасной книге датировал заговор 1060 г.¹¹ Полемис очень остроумно показал, что эта дата неверна, поскольку Атталиат свидетельствует, что события происходили в день св. Георгия сразу же после пасхи. В 1060 г. такого совпадения не было. Далее, Полемис отнес слова *μετὰ δὲ τὴν τοῦ θεοῦ πάσχα σωτήριον ἐπιφώτισιν* к празднованию явления Христа апостолам, что по его мнению, означает Фомино воскресенье. В 1061 г. оно приходилось на 22 апреля, т. е. на канун дня св. Георгия¹². Этому рассуждению противоречит родительный падеж *τοῦ πάσχα*. Атталиат говорит просто: «после спасительного наступления пасхи». *Ἐπιφώτισις* означает «наступление, приход» (ср. *τῆς ἡμέρας ἐπιφώτισις*, «день наступил» — Attal., p. 245, 17). Поэтому наиболее подходящей оказывается комбинация 1063 г., когда пасху справляли 20 апреля, незадолго до дня св. Георгия.

Просопографические исследования могут быть построены и по другому принципу. В основу списка лиц можно положить не семейное, а должностное начало, т. е.

³ J. A. J. van Dieten. Two Unpublished Fragments of Nicetas Choniates' Historical Work.— BZ, 49, 1956, p. 316. 1—23.

⁴ См. о нем А. П. К а ж д а н. Два новых византийских памятника XII столетия.— ВВ, XXIV, 1964, стр. 84—90.

⁵ См. об этом браке также F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches, T. 2. München, Berlin, 1925, № 1568.

⁶ A. Chroust. Quellen zur Geschichte des Kreuzzuges Kaisers Friedrich I. Berlin, 1928, S. 65.

⁷ Я. Ферлуга. Византиска управа у Далмацији. Београд, 1957, стр. 138 и сл.

⁸ S. Pétridès. Epitaphe de Théodore Camatéros.— BZ, 19, 1910, S. 9. 51—52.

⁹ D. I. Polemis. Notes on Eleventh-Century Chronology.— BZ, 58, 1965, p. 60—76.

¹⁰ P. Gautier. Morodie inédite de Michel Psellos sur le basileus Andronic Doucas.— REB, 24, 1966, p. 156 sq.

¹¹ Н. А. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884, стр. 94, прим. 1. Полемис не использует этот и ряд других русских трудов (хотя кое-какие русские статьи и книги он привлекает).

¹² D. I. Polemis. Notes..., p. 61 f. Сам Полемис любезно обратил мое внимание на то, что критика его датировки дана также в работе: E. Tsolakis. Η. Συνέχεια τῆς χρονολογίας τοῦ Ἰωάννου Σουλτζῆ. Thessal., 1968, p. 193 s. q.

составить списки лиц, занимавших в течение определенного отрезка времени ту или иную должность, носивших тот или иной титул. В этом плане работает Р. Гийан. Его сборник¹³ составлен из ранее опубликованных (в 1938—1962 гг.) работ. К сожалению, статьи Гийана, появившиеся после 1962 г., в сборник не включены. Основная его часть — статьи (главы), посвященные отдельным титулам (деспот, кесарь, патрикий, протоспафарий и др.) и должностям — главным образом армейским и придворным. Каждая статья, помимо общей характеристики титула или должности, содержит список лиц, носивших соответствующий титул или занимавших должность. Собранные таким образом материалы дают основание для выводов об эволюции византийской административной системы. Особенно интересны наблюдения над переменами, происходившими на рубеже XI и XII вв., в связи с утверждением династии Комнинов; исчезновение титула протоспафария (то же относится к титулам магистра и патрикия), что Гийан справедливо связывает с «реформой в положении знати» (II, стр. 110); исчезновение специфически скопческих чинов и должностей (паракоммен, протовестиарий, препозит и др.) и выдвигание на высшие посты придворной службы представителей аристократических фамилий.

По охвату материала (от IV до XV столетия) книга Гийана еще шире, чем монография Найкола и Полемиса: названы сотни византийских должностных лиц, ориентироваться в которых помогают читателю обширные индексы. Естественно, что далеко не каждая из сотен биографий может быть критически взвешена. Вот один пример: Гийан говорит о «норманском авантюристе» Иоанне Рожере, который был изгнан своим братом из Италии и нашел приют при дворе Иоанна II Комнина, выдавшего за Рожера свою старшую дочь Марию и пожаловавшего ему титул кесаря. От этого Рожера исследователь отличает известного по легенде печати кесаря Иоанна Далассина, женатого на Марии Комнин, которую Гийан называет племянницей Мануила I (II, стр. 31 и сл.). На самом деле кесарь Иоанн Рожер и кесарь Иоанн Далассин — одно лицо; он был сыном выходца из Италии и знатной гречанки Далассины; Мария Комнин — не племянница, а сестра Мануила I¹⁴. К тому же Рожер никак не мог участвовать в соборе 1159 г., созванном против патриарха Космы Аттика, ибо такого собора не было.

Работы Найкола и Полемиса ограничены историей одной семьи, каждая из статей Гийана — одной должностью или одним титулом. Хронологические и географические рамки в этих трудах не ограничены. Возможно и иное построение просопографических исследований. В основу работы Э. Арвейлер положен географический принцип: она исследует этнический состав города и деревни, гражданскую и церковную администрацию района Смирны в кон. XI — нач. XIV в.¹⁵ Просопографический материал занимает в ее работе важное место: она рассматривает как роды, зафиксированные здесь в XIII в., так и списки наместников фем и церковных должностных лиц.

По существу на просопографическом материале основана диссертация молодого западногерманского византиста А. Хольвега, ученика Ф. Дэльгера, защищенная в 1962 г.¹⁶ Используя просопографические данные (совокупность биографий византийской знати), Хольвег поднимает один из существенных и малоизученных вопросов — о природе административного устройства Византии; причем вопреки заглавию Хольвег рассматривает не только комниновский период, но почти двухсотлетнюю эпоху от смерти Василия II до падения Константинополя (1025—1204), а в ряде случаев выходит и за пределы этих хронологических рамок (см., напр., стр. 104 и сл., 115). Разумеется, такая широта в постановке темы ведет к неполноте в использовании литературы — совершенно не учтена советская византистика, в том числе книга Г. Г. Литаврина «Болгария и Византия в XI—XII вв.» (М., 1960), содержащая существенные материалы по истории византийской администрации, — и к ряду погрешностей и пропусков в области просопографии¹⁷. Но и то и другое в общем естественно для первой книги ученого.

Значение работы Хольвега — не только в постановке проблемы, но и в поисках новых принципов подхода к ней. Он прямо постулирует тезис об ошибочности пред-

¹³ R. Guiland. Recherches sur les institutions byzantines.— «Berliner Byzantinische Arbeiten», Bd. 35, T. 1—2. Berlin, Amsterdam, 1967, pp. XVI+607, 397.

¹⁴ См. о нем: M. Mathieu. Cinq poésies byzantines.— Byz., 22, 1953, p. 139, n. 4; L. Stiernon. Notes de titulatures et de prosopographie byzantines. A propos de trois membres de la famille Rogerios.— REB, 22, 1964, p. 185—187.

¹⁵ H. Ahrweiler. L'histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux occupations Turques (1081—1317), particulièrement au XIIIe siècle.— «Travaux et mémoires», 1, 1965, p. 1—204. Отмечу, что в списке наместников Смирны (ibid., p. 130) отсутствуют Каспак (A. n. S. o. m. n., t. 3, p. 25. 14—15) и Иалей (ibid., p. 26. 2—3).

¹⁶ A. Hohlweg. Beiträge zur Verwaltungsgeschichte des Oströmischen Reiches unter den Komnenen.— «Miscellanea Byzantina Monacensia», hrsg. von H. G. Beck, H. 1. München, 1965, S. XXIII+186.

¹⁷ Так, Евдокия, дочь Алексея I, вышла не за Константина Иасита (стр. 27), а за его сына (возможно, его звали Михайлом). Список Комнинов-полководцев легко

ставлений относительно застойности Византии и считает своей задачей выяснить те конструктивные явления («средства и методы») в комниновской империи, которые позволили преодолеть кризис XI в. (стр. 2). В соответствии с этим основная часть работы распадается на два раздела: первый посвящен тому, что Хольвег называет «семейной политической» Комнинов, и связанному с этим вопросу о реформе титулатуры; второй — армии и флоту.

Хольвег подчеркивает, что при Комнинах высшие административные посты были сосредоточены в руках императорской родни (стр. 15 и сл.); этому же принципу соответствовала и реформа титулов, цель которой состояла в том, чтобы поставить членов фамилии василевса выше ординарных чиновничьих разрядов (стр. 36). «Новая система титулов, — говорит Хольвег, — привела к ослаблению строго бюрократической централизации с ее неподвижной табелью о рангах» (стр. 39). Такая оценка административной политики Комнинов, кстати сказать, совпадает с теми тенденциями, которые наметились в последние годы в нашей историографии¹⁸. При этом автор (вслед за Бекон) делает любопытное наблюдение: в правлении Андроника I был осуществлен прямо противоположный принцип — этот император расправлялся со своей родней (стр. 33). Тем самым Хольвег делает еще один шаг в понимании социальной природы власти Андроника. Ангелы также не вернулись к «семейной политике» (стр. 34); подобно Андронику, они осуществляли докомниновские тенденции.

Изучение византийской армии и флота в XII в. (точнее говоря, их командного состава, ибо именно этому посвящена вторая часть книги Хольвега) приводит автора к выводу, дополняющему его наблюдение за «семейной политикой». Командные должности имели значение не как таковые, а в зависимости от личного влияния занимавшего их вельможи — человек выполнял ту или иную функцию не в соответствии со своим номинальным постом, а согласно близости к престолу (стр. 101, 103, 133 и сл. и особенно 157). Впрочем, нужно еще показать, что подобный принцип был действительно введен Комнинами, а не существовал в предшествующие столетия...

По сути дела, оба наблюдения Хольвега ведут к признанию «патримониализации» государственного аппарата Византии при Комнинах. К сожалению, автор не затронул других сторон византийского административного устройства, что позволило бы ему ярче обрисовать этот процесс. Уже Зонара отметил нарастание патримониальных принципов в управлении; он писал, что Алексей I выполнял свои функции не как общественные или государственные, что он видел в себе не управителя, а господина и считал империю собственным домом (*Zonaras*, III, p. 766. 12—16). Приобретают огромное значение специфически дворцовые должности. Хольвег говорит об одной из них — должности конюшего (протостратора) (стр. 111 и сл.), но следовало бы вспомнить о спальничьем, стольнике, кравчем (пинкерне) и т. п. Патримониальные тенденции обнаруживаются и в замысле Иоанна II выделить своему младшему сыну значительный удел на востоке империи (*Cinnamus*, p. 23. 1—5). В это же время старые разветвленные секреты были упрощены и подчинены власти одного вельможи — логофета секретов, которого Киннам (*ibid.*, p. 141. 12—13) сравнивает с канцелярием Сицилийского королевства.

Следовательно, основная мысль книги Хольвега находит подтверждение и в материале, им не использованном. Можно было бы, однако, пойти дальше: в книге не поставлен вопрос о социально-экономической базе административных реформ Комнинов: глухо и мимоходом говорит автор об основании новых городов (стр. 88)¹⁹ — вопрос о союзе Комнинов с горожанами заслуживает специального рассмотрения. Еще более существенны в данной связи наметившиеся с XI в. тенденции византийских василевсов к расширению доменального хозяйства²⁰, что, кстати сказать, прекрасно совпадает с тенденцией к патримониализации аппарата.

В этой связи нуждается, мне кажется, в пересмотре утверждение Хольвега о «феодальной дезинтеграции» (стр. 87, ср. стр. 158). Комнины вовсе не проводили политику «дезинтеграции». В этом, между прочим, убеждает ход социальной борьбы в империи. Хольвег лишь вкратце упоминает о мятежах знати при Алексее I, тогда

мог быть расширен за счет сциллографического материала и, в частности, печатей с изображением святых воинов. Из Комнинов-гражданских лиц нужно было назвать паракимомена Иоанна, одного из высших чинов при Иоанне II. Ряд фамилий, находившихся в родстве с Комнинами, не назван вовсе, как-то: потомки Иоанна-Владислава, Докианы, Синадины, Цикандилы, Арвандины, Лапарда, Катакуррианы. Куртики и Кисаоты названы, однако, о их родстве с Комнинами не говорится.

¹⁸ См. Я. Н. Любарский. Анна Комнина. Александрия. М., 1965, стр. 10, 480, прим. 318; А. П. Каздан. Братья Айфеодориты при дворе Мануила Комнина. — ЗРВИ, IX, 1966, стр. 85 и особенно: «История Византии», т. II. М., 1967, стр. 300.

¹⁹ См. об этом также: Н. Glynkatzki-Ahrweiler. Les fortresses construites en Asie Mineure face à l'invasion seldjucide. — «Actes des XI. Internationalen Byzantinisten-Kongresses». München, 1960, S. 184.

²⁰ А. П. Каздан. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 129 и сл.

как их анализ показывает, что Алексей боролся как против старой столичной знати, так и против феодальной аристократии провинции²¹. Нельзя ли предположить, что Византийское государство XII в. опиралось на обширные поместья клана Комнинов и породившихся с ними фамилий и на провинциальные города?

И наконец — вопрос о пронии. Эту проблему сейчас нельзя рассматривать без привлечения советских работ и без учета дискуссии о природе пронии (пожалование налоговой квоты или вещное право)²². Хольвег, хотя и делает некоторые небезинтересные наблюдения (напр., он считает невозможным утверждать, что система проний укрепила греческий элемент в армии — стр. 92), все же не вносит чего-либо нового в эту проблему. К тому же он повторяет ряд ошибочных положений старой историографии, опровергнутых в последние годы: так, ни свидетельство Скилицы о пронии Манганов, ни известие Анны Комнин о «пронии» с земли и моря (стр. 84) не относятся к институту пронии²³.

Как и книга Хольвега, серия просопографических статей Л. Стирнона относится к ограниченному периоду — к XII в. Из всех работ по византийской просопографии исследования Стирнона отличаются наибольшей тщательностью и полнотой привлеченных источников. Он устанавливает прежде всего жизненный путь многих византийских вельмож, идентифицируя, в частности, ряд лиц, которые считались разными людьми²⁴. Но еще более существенны наблюдения Стирнона относительно закономерности пожалования титулов (севастократор, протосеваст, царский зять, севаст): он показал, что в Византии при Комнинах сложилась строгая иерархия титулатуры и что списки лиц, присутствовавших на заседаниях соборов, составлялись всегда с соблюдением последовательности чинов²⁵.

Разумеется, этими работами не исчерпываются просопографические исследования последних лет: элемент просопографии присутствует, пожалуй, в каждой работе, в каждой публикации. Мы охарактеризовали лишь основные специальные труды в этой области.

А. П. Каждан

МИЛКО БИЧЕВ. СТЕНОПИСИТЕ В ИВАНОВО

София. 1965

Монография проф. М. Бичева¹ посвящена мало изученному произведению средневекового искусства — фрескам двух пещерных церквей, находящихся недалеко от с. Иваново, по течению реки Русенский Лом, на северо-западе Болгарии. Основную из пещер обычно называют Църквата, другую — Господев Дол.

При изучении истории изобразительного искусства в последние годы уделяют большое внимание той роли, которую играли в художественной жизни Византийской империи национальные центры культуры². Открытия новых и тщательное исследование уже известных памятников опровергают гипотезу А. Ксингопулоса³, согласно которой все неконстантинопольское искусство целиком зависело от Фессалоники. Росписи Иваново принадлежат к тем памятникам, которые имеют значение для исследования вопроса о самостоятельности болгарского искусства, проявившейся

²¹ Об этих мятежах см. В. Leib. *Complots à Byzance contre Alexis Comnène.* — BS, XXIII, 1962 и мою рецензию: ВИ, 1963, № 9, стр. 185 сл.

²² См. К. В. Хвостова. О некоторых особенностях византийской пронии. — ВВ, XXV, 1964 и указ. там литературу. Ср. также Н. Glykatzis-Ahrweiler. *La concession des droits incorporels. Donations conditionnelles.* — «Actes du XIIe Congrès International d'Études byzantines», t. II. Beograd, 1964, p. 109 sq.

²³ Значительно интересней ставится вопрос о пронии в более поздней специальной статье Хольвега: А. Hohlweg. *Zur Frage der Pronoia in Byzanz.* — BZ, 60, 1967, S. 288—308.

²⁴ Помимо указанной выше статьи о Рожерах (прим. 14), см. также L. Stiernon. *Les origines du Despotat d'Épire.* — REB, 17, 1959, p. 90—126; *idem*. *Notes de prosopographie et de titulature byzantines. Constantin Ange (pan)sébastohypertate.* — REB, 19, 1961, p. 373—383; *idem*. *Notes de titulature et de prosopographie byzantines. Adrien (Jean) et Constantin Comnène, sébastes.* — REB, 21, 1963, p. 179—198; *idem*. *Notes de titulature et de prosopographie byzantines. Théodore Comnène et Andronic Lopardas, sébastes.* — REB, 24, 1966, p. 89—96.

²⁵ L. Stiernon. *Notes de titulature et de prosopographie byzantines. Sébaste et gambros.* — REB, 23, 1965, p. 222—243.

¹ Она содержит 38 страниц текста, 13 цветных и 51 черно-белых иллюстраций, резюме на болгар., русск., англ. нем. и франц. языках.

² В. Н. Лазарев. Константинополь и национальные школы в свете новых открытий. — ВВ, XVII, 1960; его же. Живопись XI—XII веков в Македонии. — «Actes du XIIe Congrès International des Etudes byzantines», III. Beograd, 1964.

³ А. Хунгопулос. *Thessalonique et la peinture macédonienne.* Athènes, 1955.